I акта Тамира получила возможность — в длинной реплике, обращенной к ее наперснице,— высказать свое мнение о принципиальных вопросах, имеющих отношение к ее бегству и непослушанию родителю: «Довольно и того, что права и законы / Во обуздании любовну страсть крепят...» В этот «развращенный век» дело обстоит еще хуже: «Отеческа гроза, богатство, род и честь» стоят среди зол, исчисляемых Тамирой (I.5, с. 340)[37]. Далее речь идет о «святой любви»; несчастье насильственного брака, заключенного по воле родителей, противопоставляется картине буколического счастья. Подобные мотивы также получают выражение в обширном монологе, в котором Надир, дядя Тамиры, размышляет о ее побеге. Предмет его монолога — «Несытая алчба имения и власти»; критика направлена против родителей, которые «На жертву отдают и совесть и детей» (IV.2, с. 363). Построение сюжета заключает в себе обвинение Мумету, отцу Тамиры: жених, которого он навязал своей дочери, разоблачается как обманщик и убийца. Отец признает свою ошибку, и ничто больше не стоит на пути к счастью влюбленных.

В качестве отступления можно добавить следующее. Тема родительского авторитета и эпизод непослушания в трагедии Ломоносова заслуживают внимания, если учесть трактовку аналогичных тем в русской комедии XVIII века. Право родителей безоговорочно определять судьбу своих детей — это конвенциональная тема европейской комедии; ср. хотя бы у Мольера («Тартюф», или «Мнимый больной»). Эта тема часто встречается и в русской комедии, где она, однако, приобретает особенное значение: у таких авторов, как Лукин, Фонвизин, Екатерина II и Капнист, тема родительского авторитета уже не сводится к своей сюжетной функции препятствия на пути к счастливому концу, но получает особенную идеологическую нагрузку. Как правило, деспотизм родителей в русской комедии XVIII века изображается как реликт старомосковского прошлого, которому уже нет места в Новой России; тем не менее названные авторы настаивают на святости родительского авторитета. Пусть родители ошибаются, пусть действуют эгоистически, имея в виду не счастье своих детей, но собственную выгоду,— в любом случае этим не отменяется обязанность детей повиноваться. София в «Ябеде» Капниста может служить примером. Она с горечью жалуется на «жестокость» матери — «злой фурии» типа фонвизинской Простаковой,— которая ее заставляет выйти замуж за бездарного человека. Ее горничная предлагает ей противиться: пусть София скажет матери, что она скорее согласна «утопиться», чем быть когда-нибудь женой нелюбимого человека. Но добродетельная София отвергает такой поступок:

> Ах, *нет*, ввек этого сказать *я не посмею*.
> К родителям любовь, почтение имею.

[37] Этот пассаж читается как полемика, направленная против «Умирающего Катона» Готшеда. Там героиня также находится в конфликте между любовью и послушанием родителю. Она влюблена в Цезаря, и Цезарь отвечает ей взаимностью. У Готшеда, однако, этот конфликт разрешается иначе, чем у Ломоносова: по политическим причинам Катон, отец героини, против этого союза, и послушная ему дочь после короткой дискуссии жертвует своим счастьем.